А. Ф. Бичехвост

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ И ПРОВЕРОЧНО-ФИЛЬТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ОРГАНИЗАЦИИ В НИХ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ»

Проанализировав отдельные аспекты состояния современной историко-юридической науки, и обращая внимание на сохраняющиеся в ней «белые пятна», в одной из своих научных публикаций исследователь А. Б. Суслов справедливо утверждал: «В изучении репрессивной политики сталинского режима существует ряд важных аспектов, который до сих пор не только не получил ясной исторической оценки, но и вообще остается пока вне поля зрения исследователей из-за недоступности многих источников. Из общего комплекса проблем, связанных с эпохой сталинизма, наиболее изученной является проблема репрессий против крестьянства в период коллективизации. Но современному обществу значительно меньше известно о тех террористических акциях сталинцев, которые не стояли в прямой связи с преобразованиями в деревне»[1].

К числу таких малоизученных и малоизвестных проблем в современной историко-правовой науке, бесспорно, относится проблема репрессий сталинского режима в отношении советских военнопленных. Эта проблема, в свою очередь, неразрывно связана с множеством других, и, в частности, со становлением и трансформацией советского законодательства в отношении плена и военнопленных, его практической реализацией органами внутренних дел и спецорганами советской карательной системы на протяжении длительного исторического времени, а именно, начиная с 1917 г., т.е. с года узурпации власти большевиками, и до 1956 г., – первого официального осуждения на государственном уровне политики преследования сталинским режимом бывших советских пленных.

Как многократно отмечалось в российской научной и публицистической литературе, проблема советских пленных – это горькая тема, и острота ее не притупляется с годами и десятилетиями, потому что трагедия военнопленных коснулась десятка миллионов советских людей, российских граждан, если считать их семьи и потомков. Плен оставил следы в жизни как самих бывших военнопленных, так и множества людей близких им.

И сегодня, когда нас отделяет от событий 1941–1945 гг. более 60-ти лет, проблема формирования и применения правовой политики в отношении к людям, побывшим в годы Великой Отечественной войны в фашистском плену, не потеряла своей актуальности. Она неразрывно связана с продолжающимся процессом реабилитации жертв сталинских репрессий, среди которых одной из многочисленных категорий оказались наши военнопленные, в силу сложившихся обстоятельств оказавшихся в немецких тюрьмах и лагерях, прошедших через все круги фашистского ада, но сумевшие в нём выстоять и выжить. Проблема истории советских военнопленных неразрывно спаяна с проблемой нравственного очищения российского общества, формирования в нём здорового отношения к нашей истории, к людям, делавших эту историю, к многим из которых так несправедливо и преступно отнёсся правящий сталинский режим.

Особое место в системе реализации репрессивной государственной политики в отношении советских военнослужащих, побывавших в плену или в окружении, занимали специальные и проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), созданные по личному распоряжению И. Сталина. Об истории их создания, механизме функционирования, ведения в них следственных мероприятий, до недавнего времени ни общественности, ни узкому кругу специалистов в области отечественной истории, российского государства и права, военной истории, практически ничего не было известно. Завеса тайны над некогда трагической историей пребывания советских военнопленных в спецлагерях и ПФЛ начала приподниматься буквально в последнее десятилетие. Анализу положения бывших узников нацизма в проверочно-фильтрационных лагерях, в т. ч. их правового положения, организации их

[1] *Суслов А. Б.* Спецконтингент советского тоталитарного общества: некоторые особенности социального и правового статуса (на примере Пермской области) / http://www.hro.org/editions/hrperm/6.htm.

проверки, на примере ПФЛ № 240, находившегося в Сталино, посвятил своё выступление исследователь Альбов на VIII чтениях, проходивших 25-26 октября 2002 г. в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского и посвящённых памяти профессора Николая Петровича Соколова[2]. Известный саратовский историк, профессор А. А. Герман опубликовал подборку директивных документов высших органов государственного и военного управления об организации работы по фильтрации советских граждан, в т.ч. военнопленных, на различных этапах Великой Отечественной войны, а также после её завершения, снабдив публикацию серьёзным научным комментарием[3].

Основываясь на разнообразных документальных источниках, научных исследованиях своих предшественников, автор настоящей статьи ставит задачу: показать предысторию и историю создания специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для бывших советских военнопленных, объяснить причины организации И. Сталиным и его окружением массовой проверки советских военнослужащих, побывавших в плену или окружении, дать анализ механизма проверки сотен тысяч советских пленных, правовую и морально-нравственную оценку массовой фильтрации наших военнослужащих, побывавших во вражеском плену.

История спецлагерей и ПФЛ, где проверялись советские военнопленные в годы Великой Отечественной войны, а также после её окончания, неразрывно связана с историей и традициями советской пенитенциарной системы, основы которой были заложены в первые годы Советской власти. Для изоляции своих политических противников большевики, вскоре после захвата власти, начали активно использовать систему мест заключения, создававшуюся при ВЧК. Для этой цели чекисты широко применяли сеть концентрационных лагерей, в которых ранее содержались военнопленные Первой мировой войны (к началу 1918 г. в России находилось более 2 млн военнопленных, часть из которых содержалась в лагерях). После заключения в 1918 г. Брестского мирного договора между Россией и Германией, начался широкомасштабный обмен заключенных, и концентрационные лагеря в России опустели. Несколько позже органы ВЧК стали использовать эти лагеря для содержания другой категории граждан – своих соотечественников – военнопленных, захваченных в годы кровавой Гражданской войны[4].

В период беспощадной и братоубийственной войны официально на территории России были зафиксированы лагеря пяти типов: лагеря особого назначения (ЛОНы), концентрационные лагеря общего типа, производственные лагеря, лагеря для военнопленных и лагеря-распределители. ЛОНы были подведомственны ВЧК, остальные места принудительного содержания подчинялись НКВД РСФСР и руководились созданным для этого Главным управлением принудительных работ (ГУПРом)[5].

Летом 1929 г. правительство приняло стратегическое решение, давшее толчок развитию системы ГУЛАГа под эгидой ОГПУ. Осужденные на сроки от трех лет и выше передавались из ведения НКВД в лагеря, организуемые ОГПУ в отдаленных, ресурсосодержащих районах страны. В 1930 – 1940 гг. начинается собственно период становления, а затем и «расцвета» системы ГУЛАГа, которая постепенно вобрала в себя не только исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), но и исправительно-трудовые колонии (ИТК), ранее подведомственные НКВД союзных республик, а также созданную в начале 1930-х гг. сеть спецпоселений для репрессированных и высланных крестьянских семей. В 1930 г. в составе ОГПУ было учреждено Главное управление лагерей (собственно ГУЛАГ)[6].

По мере развития советской карательной системы, расширения масштабов сталинского террора, а также в связи с политическими и международными изменениями, вызванными началом Второй мировой войны, на территории СССР по-

---

[2] См.: *Альбов.* Фильтрация в Сталино. Нижегородцы в ПФЛ № 240 / http://www.unn.ru/rus/f3/k1/8-sok-pmm.htm.

[3] См.: *Герман А. А.* Советские репатриационные документы Великой Отечественной войны и послевоенного времени // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 162–185.

[4] См.: *Красильников С. А.* Гулаг в Сибири / http://www.sibheritage.nsc.ru/article.php?d=35.

[5] См.: Там же.

[6] См.: Там же.

являются новые места принудительного содержания граждан – спецлагеря для иностранных военнопленных.

Толчком к созданию подобных спецлагерей послужили после сговора СССР с Германией «освободительные походы» Красной Армии на запад, в результате которых на территории СССР появился значительный контингент польских военнопленных. 19 сентября 1939 г. Народным комиссариатом внутренних дел был утвержден приказ за № 0308 «Об организации лагерей военнопленных», в соответствии с которым на территории Советского Союза организовывалось 8 лагерей для содержания польских пленных, и одновременно был утверждён штат для данного типа лагерей. Среди вновь образованных лагерей, где содержались польские военнослужащие, были печально известные лагеря в Старобельске, Козельске, Осташкове, Грязовце, Суздале и др. Охрана приемных пунктов, конвоирование военнослужащих от приемных пунктов до лагерей, охрана лагерей военнопленных, возлагались на конвойные войска НКВД СССР[7]. Ровно через два месяца приказом НКВД СССР от 19 ноября 1939 г. за № 0390 была утверждена «Временная инструкция о войсковой охране лагерей военнопленных частями конвойных войск НКВД СССР», а 29 декабря 1939 г. приказом того же НКВД СССР за № 0438 была введена в действие «Временная инструкция о работе пунктов НКВД по приему военнопленных»[8].

Обычное содержание иностранных военнопленных в местах заключения не являлось самоцелью для правящего режима СССР и не входило в его планы. Сталинская система нуждалась в постоянном поиске врага и манипулировании его образом. Таким внешним врагом оставались польские военнослужащие. Кроме того, сохранялась надежда получения от польских военнопленных информации, представлявшей в СССР определённый государственный, политический и военный интерес. Поэтому проведение оперативно-разыскных мероприятий среди захваченных в плен военнослужащих польского государства являлось неотъемлемым атрибутом работы спецорганов советской правоохранительной системы. Оперативно-чекистское обслуживание военнопленных в лагерях было возложено на Особый отдел НКВД СССР и его местные органы. В сентябре 1939 г. в лагерях военнопленных были созданы особые отделения по «оперативно-чекистской» работе среди военнопленных, которые подчинялись особым отделам военных округов и местным органам госбезопасности по территориальности. 8 октября 1939 г. была издана специальная Директива НКВД СССР № 456/190 об агентурно-осведомительной работе среди военнопленных.

Если в начале Второй мировой войны лагеря военнопленных были образованы только для польских военнослужащих, то вскоре подобного рода места принудительного содержания начали создаваться и для пленных из состава вооружённых сил СССР.

Первые лагеря для советских военнопленных были образованы после завершения неудачной советско-финской войны 1939 – 1940 гг. В полном объёме «справедливость» и суровость сталинских законов и пропагандистских установок в отношении к пленным испытали те советские военнослужащие, кто по приказу свыше был втянут в советско-финский конфликт, и в результате боевых действий оказался в плену. Из приведенных в мемуарах Маннергейма данных о числе военнопленных, взятых при окружении советских войск севернее Ладожского озера, явствует, что в финском плену оказалось по меньшей мере 5 с лишним тысяч красноармейцев[9]. Исследование «Россия и СССР в войнах XX века. Потери Воо-

---

[7] Одновременно было образовано Управление по делам военнопленных и интернированных (19 сентября 1939 г.), которое возникло в системе НКВД в связи с разделом Польши и появлением на территории СССР массы польских военнопленных. Вторая часть названия Управления («интернированные») вошла в постоянный обиход с июля 1940 г., несмотря на то, что понятие «интернированные» по отношению к военнопленным и гражданским лицам начинает употребляться в советских документах с декабря 1939 г. Нахождение военнопленных и интернированных в системе внутренних дел было правилом тех лет. Так было в Великобритании, Венгрии, Италии.

[8] См.: История органов по делам военнопленных и интернированных / http://stalag2a.narod.ru/istprnkvd.htm.

[9] См.: *Соколов Б. В.* Пиррова победа. (Новое о войне с Финляндией) / Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 296; В ходе научно-практической конференции на тему: «Документы государственного архивного фонда СССР об укреплении обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны советского народа 1941–1945 гг.» приводились следующие цифры советских потерь: за 105 дней советско-финляндской войны Красная Армия потеряла 289 510 чело-

руженных Сил» уточняет и конкретизирует эту цифру: после подписания мирного договора были возвращены из плена 5 468 человек (из них 301 командир, 787 младших командиров, 4 380 бойцов). Добровольно остались в Финляндии примерно 99 человек (из них 8 командиров, 1 младший командир и 90 бойцов)[10]. По другим данным возвратилось из финского плена 6 017 чел.[11].

Согласно Московскому мирному договору от 12 марта 1940 г., противоборствовавшие стороны должны были незамедлительно возвратить друг другу военнопленных, захваченных во время вооружённого конфликта. Такой обмен, согласно договорённости, состоялся, после которого советских бойцов и командиров, побывавших в финском плену, ожидала трагическая участь. Их судьба решалась не на основании закона, а в высших эшелонах государственной власти. Своей жестокостью и правовым беспределом поражает содержание докладной записки Л. Берии, направленной И. Сталину летом 1940 г. В ней Берия «считал необходимым» 4 354 человека, бывших советских военнопленных, возвратившихся из Финляндии, «на которых недостаточно материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет»[12].

«Предавали суду» тех, кого никак нельзя было заподозрить в добровольной сдаче в плен. Свидетель трагедии, разыгравшейся в жизни советских солдат и командиров, вызволенных из финского плена, вспоминал: «В марте 1940 года, когда было подписано перемирие, финны передали наших военнопленных – изможденных, обмороженных, инвалидов... Их везли в санитарных поездах, к которым никого не подпускали. Домой они не вернулись»[13].

Как утверждал на основе личных наблюдений и бесед с заключенными Ж. Росси, каждую группу возвратившихся из плена тут же отправляли в неизвестном направлении, как оказалось впоследствии – в Южский спецлагерь, находившийся в Ивановской области[14]. Лагерь, обнесенный колючей проволокой, охранялся конвойными войсками НКВД. Заключенные были лишены права переписки, свиданий с родными и близкими. Место пребывания держалось в строгом секрете. О количестве и составе переданных Советскому Союзу военнопленных, оказавшихся в Южском лагере, в справке начальника политуправления МВО дивизионному комиссару Лобачеву сообщалось следующее: «Южский лагерь начал свою работу с момента поступления бывших военнопленных 25 апреля 1940 года. Люди поступали эшелонами по 500–600 человек. На первое мая было 4 815, на 10 – 4 897. 29 человек отправлено в госпиталь в Вязники. В числе прибывших 314 человек начсостава от младшего лейтенанта до майора включительно»[15].

Прибывших первоначально заставляли соблюдать военный лагерный порядок с физзарядкой по утрам. На работах их пока не использовали. При первом посещении бывшими военнопленными лагерной бани с их обмундирования, сданного в санобработку, спороли петлицы и знаки различия, а с головных уборов сняли красные звезды. Несколько дней спустя их расселили по лагерным отделениям и поместили в отдельных бараках. Днем освобожденных из финского плена водили под конвоем на работы, а ночью – на допросы, где их допрашивали работники лагерной оперчасти по поводу сдачи в плен.

В течение лета и осени 1940 г. допросы были окончены и дела бывших военнопленных отправлены на Особое совещание в Москву, откуда через несколько недель для каждого пришли отдельные решения: «За сдачу в плен белофиннам направить в трудовые-исправительные лагеря на ...». Одни бойцы Красной Армии, попавшие в плен к финнам, были обвинены в нарушении воинской присяги (НВП) и отправлялись в лагеря для «трудового воспитания». Бывших военнопленных,

---

век, из них 74 тыс. убитыми и 17 тыс. пропавшими без вести. Остальные – раненые и обмороженные // Аргументы и факты. 1989. № 45. С. 8.

[10] См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование/ http://www.rus-sky.org/history/library/w/w04.htm.

[11] См.: Там же.

[12] Красная звезда. 1993. 6 мая.

[13] *Соколов Б. В.* Указ. соч. С. 296.

[14] См.: *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГУ. М., 1991. Ч. 2. С. 321; *Носырева Л., Назарова Т.* «Пойдем на Голгофу, мой брат...» // Родина. 1995. № 12. С. 104–105.

[15] *Носырева Л., Назарова Т.* Указ. соч. С.105.

приговоренных к различным срокам, разместили в лагерях вдоль европейского и азиатского берегов Ледовитого океана. Осужденные «за сдачу в плен белофиннам» завозились в Воркутлаг ГУЛАГа НКВД СССР. Среди них были только представители рядового и сержантского состава, получившие среди заключенных прозвища «солдатики» и «герои финского плена». Люди, видевшие в Дудинке и Норильске не один этап заключённых, запомнили один, уникальный, таким: в новенькой военной форме, с костылями и палками в руках, с бинтами на незаживших ранах, обмороженных, контуженных, переживших войну и плен русских солдат. Новую военную форму им вскоре поменяли на лагерную одежду.

450 человек, попавших в плен ранеными, больными или обмороженными, в отношении которых не имелось «компрометирующих материалов», были освобождены и переданы в распоряжение Наркомата обороны. 232 человека были приговорены к расстрелу[16]. По утверждению Ж. Росси, «за измену Родине» был расстрелян комсостав[17], но эти данные нуждаются в проверке.

Только немногим участникам «северной войны» удалось избежать трагической участи – стать узником сталинского ГУЛАГа и пополнить скорбный список жертв сталинских репрессий. Это те из советских военнослужащих, кто, оказавшись в финском плену, бежал в нейтральную Швецию и не был выдан в СССР.

Таким образом, неудачи в советско-финской войне были списаны на тех, на ком не было никакой вины за ее бесславное окончание. В отношении к бывшим пленным, вызволенным из финской неволи, проявилось больше произвола, чем желания и стремления объективно и беспристрастно разобраться в каждом факте сдачи советского военнослужащего в плен. «В финскую же войну был первый опыт: судить наших сдавшихся пленников как изменников Родине. Первый опыт в человеческой истории! – а ведь вот, поди ж ты, мы не заметили»[18], – с горечью писал об этой трагической странице в истории советского общества эпохи сталинизма А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Незаконным осуждением практически **ВСЕХ** побывавших в финском плену был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто оказался в последующем в плену, но уже немецком.

К началу Великой Отечественной войны лагерная сеть, которая вскоре втянет в себя практически всех бывших советских военнопленных, заметно расширилась. Как не парадоксально, но система лагерей продолжала расти и развиваться даже в суровое военное лихолетье. К ранее существовавшим в Советском Союзе типам лагерей прибавились новые. К лагерям, которые имелись в СССР в период Великой Отечественной войны – воспитательно-карательные учреждения (реформатории), предназначавшиеся для несовершеннолетних, специальные лагеря особого назначения (СЛОН) для лиц, подлежавших заключению на все время Гражданской войны, лагеря без права переписки – разновидность лагерей усиленного режима, спецлагеря, созданные для политических заключенных и др., добавилась особая группа лагерей – специальные лагеря для советских военнопленных, которые в 1945 г. будут заменены проверочно-фильтрационными лагерями (ПФЛ), предназначавшихся для проверки советских военнослужащих, вырвавшихся из окружения или бежавших из фашистского плена, а также освобождённых советскими и союзными войсками.

Как известно, в результате различных причин – оперативных, тактических, из-за стратегических просчетов, допущенных лично И. Сталиным, в первые месяцы Великой Отечественной войны сотни тысяч бойцов и командиров Красной Армии оказывались в гигантских «котлах» окружения и захватывались в плен.

Вопрос о количестве оказавшихся во вражеском плену советских военнослужащих, на сегодняшний день продолжает оставаться одним из дискуссионных вопросов в отечественной исторической науке. В споре исследователи, как правило, оперируют двумя видами источников – данными вермахта и цифрами советских официальных комиссий. Определённую сложность при подсчёте количества советских военнопленных составляет различная методика, используемая исследователями.

В ходе работы, выполненной ещё в 80-е гг. коллективом, состоящем из представителей бывших Госкомстата СССР, Академии наук СССР, Министерства обо-

---

[16] См.: *Росси Ж.* Указ. соч. Ч. 2. С. 321.
[17] См.: Там же.
[18] *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ / Собр. соч. М., 1991. Т. 5. С. 105.

роны, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Советского комитета ветеранов войны, Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, были уточнены категории людских потерь в СССР, произведена оценка полноты данных о населении страны в 30–40-е гг., были внесены потери в расчеты количества населения на начало и на конец Великой Отечественной войны, выверены по архивным источникам имевшиеся оценки отдельных потерь.

Комиссией было определено, что в годы Великой Отечественной войны пропало без вести и попало в плен 4 559 000 советских военнослужащих. Из этого числа достоверно известно об участи 3 448 500 человек (1 836 000 вернулись из плена после войны, 937 700 были призваны вторично из оказавшихся на освобожденной территории, 673 000 погибли в плену по данным противника). Неизвестной оставалась судьба 1 110 500 военнослужащих. По расчетам комиссии, из этого количества около 610 000 умерли в плену и не вернулись на родину (в немецких документах они не были учтены) и более 500 000 человек, вероятно, погибли на поле боя, но в донесениях фронтов они были показаны в числе пропавших без вести. Таким образом, в немецком плену побывало примерно 4 млн. советских военнослужащих[19]. Эта цифра на сегодняшний день может рассматриваться как наиболее объективная, но работа над уточнением данных о наших военнопленных в годы Великой Отечественной войны продолжается.

Участь большинства советских военнопленных, освобождённых из плена как в годы войны, так и после её завершения, оказалась не менее тяжёлой, чем во время пребывания в немецком плену. Судьбы тех, кто побывал в фашистском плену, либо вышел из окружения, решались на основании постановления Государственного Комитета Обороны за № 1069 сс (совершенно секретно – *А. Б.*) от 27 декабря 1941 г. «О мерах по выявлению среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении, изменников родины, шпионов и дезертиров», подписанном лично И. Сталиным. Так как содержание данного документа известно только узкому кругу специалистов, и практически незнакомо массовому читателю, приводим его фактически без изменений:

«В целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену и в окружении противника, изменников родины, шпионов и дезертиров, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Наркомат обороны (т. Хрулев) создать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруженных в местностях освобождаемых частями Красной Армии от войск противника.

2. Обязать Военные Советы фронтов, армий и командование соединений и подразделений войсковых частей Красной Армии при освобождении городов, сел и иных местностей от войск противника обнаруживаемых бывших военнослужащих Красной Армии, как находившихся в плену, так и в окружении противника, задерживать и направлять в распоряжение начальников сборно-пересыльных пунктов Наркомата обороны.

3. Для содержания указанных выше категорий бывших военнослужащих Красной Армии и обеспечения их фильтрацией, НКВД СССР организовать специальные лагеря:

В Вологодской области – для Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов;

В Ивановской области – для Западного и Калининского фронтов;

В Тамбовской области – для Брянского и Юго-Западного фронтов;

В Сталинградской области – для Южного фронта, назначив начальниками лагерей опытных оперативных работников НКВД.

4. Для обеспечения работы по проверке бывших военнослужащих Красной Армии и выявления среди них изменников родине, шпионов и дезертиров, НКВД СССР организовать в каждом из перечисленных выше лагерей Особые отделы.

5. Лиц, в отношении которых после проверки их Особыми отделами не будет установлено компрометирующих материалов, начальникам лагерей передавать соответствующим военным комиссариатам – по территориальности.

---

[19] См.: *Гуркин В. В.* О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг./ http://www.rossteam.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=251.

6. Обеспечение организуемых НКВД лагерей помещением, казарменным инвентарем, постельными принадлежностями, питанием, отоплением, необходимым обмундированием и санитарной обработкой возложить на Наркомат обороны (т. Хрулев).

7. Возложить перевозку бывших военнослужащих Красной Армии от сборно-пересыльных пунктов до специальных лагерей НКВД на Управление военных сообщений Красной Армии (т. Ковалев), а конвоирование их в пути следования, а также несение охраны лагерей – на войска НКВД СССР.

Председатель Государственного
Комитета Обороны И. Сталин»[20]

Как видим, согласно данному постановлению, советские бойцы и командиры, освобождённые или освободившиеся из немецко-фашистских мест принудительного содержания, другими словами, вырвавшиеся из плена, вышедшие из окружения, в обязательном порядке через сборно-пересыльные пункты направлялись в спецлагеря системы НКВД, где обязаны были пройти проверку – так называемую «фильтрацию» или «государственную проверку». Создание подобных лагерей и организация в них пристрастной проверки объяснялось необходимостью выявления среди «бывших военнослужащих Красной Армии», находившихся в плену и в окружении противника, «изменников Родины, шпионов и дезертиров»[21].

А. Н. Яковлев, комментируя данное постановление, обращал внимание на выражение «бывшие военнослужащие Красной Армии», справедливо подчеркивая, что с принятием данного постановления началась новая зловещая страница в судьбах советских военнопленных и «окруженцев», что указанным постановлением «бывшие военнослужащие Красной Армии» ставились вне ее рядов со всеми вытекавшими отсюда последствиями[22].

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на то, что понятие «бывшие военнослужащие Красной Армии», применительно к советским бойцам и командирам, побывавшим в плену, в начале Великой Отечественной войны стало всё шире входить в юридическую терминологию и юридическую практику.

А. А. Герман, в комментариях к опубликованным им документальным материалам, отмечает: постановление ГКО СССР вышло в свет в самый разгар контрнаступления под Москвой, когда впервые с начала войны началось крупномасштабное освобождение оккупированных советских территорий. В этом постановлении уже чётко просматривались основы будущей концепции репатриации. В обязанности воинских частей вменялось **обязательное задержание всех находившихся в плену и окружении военнослужащих**. Это постановление ГКО действовало до тех пор, пока военные действия шли в пределах СССР[23].

Конкретная реализация постановления ГКО от 27 декабря 1941 г., сопровождалась особой секретностью. Военным советам фронтов и армий полагалось знать только содержание первых двух пунктов этого совершенно секретного постановления, А. И. Микояну – содержание первого и шестого пунктов, начальнику военных сообщений генерал-лейтенанту И. В. Ковалёву – первого и седьмого. В полном объёме И. Сталин ознакомил с постановлением ГКО лишь Л. П. Берия, начальника тыла Красной Армии А. В. Хрулёва и начальника Генерального штаба РККА, Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова[24].

На следующий день, после подписания постановления ГКО «О мерах по выявлению среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении, изменников родины, шпионов и дезертиров», 28 декабря 1941 г., из недр НКВД вышел приказ за № 001735 «О создании специальных лагерей для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника», подписанный Народным комиссаром внутренних дел СССР, Генеральным комиссаром государственной безопасности Л. Берия. «Во исполнение

---

[20] 1941 год. Кн. 2 / Сост. Л. Е. Решин и др. / Под ред. В. П. Наумова; Вступ. ст. акад. А. Н. Яковлева. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1998. С. 480–481.

[21] История Отечества в документах. 1917–1993 гг. М., 1995. Ч. 3. С. 121–122.

[22] См.: *Яковлев А. Н.* Военнопленные и депортированные // Московский комсомолец. 1995. 17 декабря.

[23] См.: *Герман А. А.* Указ. соч. С. 62.

[24] См.: *Балоян Л. А.* Сталин // http://www.stalin.su/hronology.php?action=period&id=7.

постановления Государственного Комитета Обороны от 27 декабря 1941 года № 1069 сс, – декларировалось в указанном документе, – в целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников родины, шпионов и диверсантов, ПРИКАЗЫВАЮ: Заместителям Наркома Внутренних Дел СССР — комиссарам госбезопасности 3 ранга тт. Чернышёву и Серову в трехдневный срок организовать в составе Управления по делам о военнопленных НКВД СССР специальные лагеря... Начальникам лагерей немедленно приступить к исполнению своих обязанностей»[25].

Руководителям лагерей рекомендовалось организовать работу по обеспечению приема военнослужащих из сборно-пересыльных пунктов Наркомата Обороны, а также работу по содержанию в лагерях «бывших военнослужащих Красной Армии», находившихся в плену и окружении противника, обнаруженных в местностях, освобождённых частями Красной Армии от войск противника»[26]. «Наблюдение за выполнением приказа» возлагалась на заместителя Наркома внутренних дел И. А. Серова, от которого Л. Берия требовал докладывать ему лично о ходе выполнения данного приказа через каждые пять дней[27].

Согласно приказу Наркома обороны за № 0521, для проверки военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или окружении противника, в конце 1941 г. начали организовываться армейские сборно–пересыльные пункты из расчета один на армию. 27 января 1942 г. ГКО принял постановление о дальнейшем развертывании сети спецлагерей НКВД. За 1941 – 1942 гг. было создано 27 таких лагерей, однако, по имеющимся данным, к 1943 г. их количество в силу различных причин сократилось до семи[28], но эти данные нуждаются в уточнении.

Для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или в окружении противника», были образованы спецлагеря НКВД в Воронежской, Курской, Рязанской, Сталинградской, Тамбовской и других областях, которые обслуживали различные участки советско-германского фронта[29]. Обнесенные двумя рядами колючей проволоки, трехметровым забором, эти лагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима. Условия содержания военнопленных в этих спецлагерях приказами НКВД были установлены такие же, как и для особо опасных государственных преступников: лагери были изолированы высокими заборами и колючей проволокой, охрану их несли конвойные войска, военнопленным запрещалась переписка, свидания с родственниками и т. п. Заключенным, которые в подавляющем большинстве не совершали каких-либо преступлений, запрещались выход из зоны, общение друг с другом, переписка и свидания с кем бы то ни было. На запрос семей о судьбе этих людей руководство НКВД отвечало, что сведений нет[30].

Где ещё конкретно создавались спецлагеря, в которых проходили проверку советские военнослужащие-военнопленные? Разрозненные и скупые данные, к примеру, сообщают, что с декабря 1941 г. проверочным лагерем НКВД стал Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале, который в последующем был реорганизован в лагерь для немецких военнопленных.

Проверочный лагерь для советских военнослужащих появился и на Пермской земле. В марте 1943 г. здесь был создан лагерь «Березниковский» (лагерь № 241), где содержались военнопленные, проходившие фильтрацию, из которого в последующем выделился проверочный лагерь № 0302, имевший 4 лагерных отделения: в Кизеле, Березниках, Боровске и Молотове[31]. Эти отделения располагались, в основном, в Верхнекамском районе. На 1 июня 1943 г. в лагере «Березниковский» содержались 3 422 военнослужащих. На 1 октября 1943 г. в нём находился 2 341 человек. Данный лагерь просуществовал на Пермской земле до мая 1944 г., когда его управление передислоцировали в Севастополь[32].

---

[25] *Новиков А.* Ни жалели ни солдат, ни маршалов // http:// new.mn.ru/printver.php?2002-22-34.
[26] Там же.
[27] См.: Там же.
[28] См.: Такая служба: контрразведка/ http://www.sb.by/article.php?articleID=45608.
[29] См.: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92–93.
[30] См.: *Яковлев А. Н.* Указ. соч.
[31] См.: *Суслов А. Б.* Указ. соч.
[32] См.: Там же.

В спецлагерях проводилась тщательная проверка военнослужащих. Первоначально она осуществлялась Особыми отделами НКВД, создававшихся при каждом лагере, а затем после преобразования Особых отделов – органами «Смерш». 3 февраля 1942 г. был издан приказ НКВД за № 00249 об организации оперативного учёта в Особых отделах НКВД спецлагерей.

В основе проверок бывших военнопленных, и так называемых «окруженцев», лежал беспристрастный допрос военнослужащих, в ходе которого следователи, как правило, получали ответы на вопросы, содержавшиеся в протоколах установленного образца, где фиксировались фамилия, имя и отчество военнослужащего, дата и место его рождения, происхождение и социальное положение, гражданство, вероисповедание, состав семьи, национальность, профессия и специальность, профессиональная деятельность до призыва в армию, образование, партийная принадлежность проверяемого, данные о его службе в Красной Армии, либо в Белой армии, а также сведения об участии в бандформированиях, о прохождении службы во время войны. В ходе допроса выяснялись также вопросы: при каких обстоятельствах военнослужащий попал в окружение или плен, дата и место пленения, обстоятельства пленения или окружения, где находился в период пребывания в плену, каким маршрутом продвигался навстречу Красной Армии; если совершил побег или выходил из окружения, где было замечено наибольшее скопление немецких войск, что известно проверяемому о зверствах немцев на оккупированной территории. В результате подобных проверок спецорганы получали, в том числе, ценную информацию о противнике, о местах его дислокации, о фактах зверской расправы с советскими военнослужащими и мирным населением, о предателях и изменниках Родины.

В ходе следствия нередко использовались провокационные методы допросов, когда проверяемым задавались вопросы: «Когда вы вышли из плена от немцев, получали ли какое задание?», что было явным нарушением законности, презумпции невиновности. Нарушение законности при осуществлении фильтрационных проверок было позднее признано в известном постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 29 июня 1956 г. «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». «Наряду с разоблачением некоторого числа лиц, действительно совершивших преступления, – говорилось в постановлении, – в результате применения при проверке во многих случаях незаконных, провокационных методов следствия было необоснованно репрессировано большое количество военнослужащих, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену»[33].

Судьба, прошедших проверку, складывалась не однозначно. После спецпроверки, в подавляющем большинстве военнослужащие рядового состава, если на них не было получено никаких компрометирующих материалов, и все факты, изложенные ими во время допросов, подтверждались, в том числе и агентурными сведениями, на основании решения фильтрационных органов, направлялись в распоряжение райвоенкоматов (РВК) по территориальности, а затем в действующую армию на пополнение действующих или формирование новых воинских частей. К примеру, водитель одной из воинских частей Б. А. Я. 23 ноября 1941 г. был захвачен в плен близ ст. Гусаровка Барвенковского района Харьковской области и содержался в лагере для военнопленных в Лозовой, откуда ровно через два месяца, 23 января 1942 г. бежал, и, передвигаясь к линии фронта, встретился с нашими разведчиками. Вскоре он был направлен во Фроловский спецлагерь НКВД и, пройдя здесь проверку, на основании решения фильтрационной комиссии, направлен в распоряжение РВК[34]. Рядовой 45 стрелкового полка 13 гвардейской дивизии Б. В. Н. попал в плен летом 1942 г. на реке Донец и содержался в лагере военнопленных в Котельниково. В ноябре 1942 г. он вместе с другими военнослужащими был освобожден наступавшими частями Красной Армии и, после проверки Особым отделом НКВД, в начале 1943 г., поступил в распоряжении райвоенкомата[35]. И таких примеров отправки в действующую армию рядовых, благополучно прошедших спецпроверку, можно привести немало.

---

[33] Воен.-истор. журнал. 1991. № 8. С. 92.

[34] См.: Картотека проверочно-фильтрационных дел фонда 6210 Государственного архива Новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО).

[35] См.: Там же.

Часть военнослужащих, успешно закончивших «госпроверку», направляли на пополнение конвойных войск НКВД, испытывавших острый дефицит в охранниках, а тех, кто нуждался в медицинской помощи – в госпитали. Но немало военнослужащих, по решению спецорганов, отправлялось на укомплектование штрафбатов или в лагеря ГУЛАГа.

По данным А. Кокурина и Н. Петрова, на 1 марта 1944 г. через органы НКВД прошли проверку 312 594 военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или окружении. Дальнейшая их судьба была такова: убыло в райвоенкоматы для последующего направления в Красную Армию – 223 270 или 71,4 %; на укомплектование конвойных войск НКВД – 5 716 или 1,8 %; убыло в госпитали – 4 337 или 1,4 %; умерло – 1 529 или 0,5 %; на формирование штрафных батальонов – 1 799 или 0,6 %; арестовано – 8 255 или 2,6 %.

Таким образом, 74,6 % бывших пленных благополучно прошли проверку и были направлены в армию, на укомплектование конвойных войск НКВД, на лечение. Ещё 0,6 % умерли, что вовсе не удивительно, если учесть условия жизни в фашистских концлагерях, откуда они только что прибыли. Подверглись репрессиям (т.е. были арестованы или отправлены в штрафбаты) 3,2 % военнослужащих[36].

Но есть и другие опубликованные и обобщённые данные. Со дня организации спецлагерей НКВД в декабре 1941 г. и до июля 1944 г. через них прошло 375 368 человек «спецконтингента», в том числе в 1942-м – 172 081 человек, в 1943-м – 127 628, в 1944-м – 75 659 человек. Из них бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену или в окружении противника, было 328 365 человек; полицейских, старост и других пособников оккупационных властей – 25 571 человек; гражданских лиц призывного возраста, находившихся на территории, занятой противником, – 21 432 человека. За тот же период из спецлагерей убыло 283 789 человек спецконтингента, из них: проверено и передано райвоенкоматам – 233 887 человек, направлено на формирование пятнадцати штурмовых батальонов по распоряжению Генштаба Красной Армии – 12 808, передано в постоянные кадры оборонной промышленности по решениям ГКО – 20 284, арестовано и осуждено – 11 658 человек. Бывшие военнослужащие в соответствии с решениями ГКО использовались в основном на предприятиях оборонной промышленности: 56 % спецконтингента – в угольной отрасли, более 30 % – на работах по восстановлению разрушенных и строительству новых предприятий[37].

Сравнивая цифры, приведенные на 1 марта 1944 г., и данные на июль того же года, приходишь к выводу, что учёт спецконтингента в ведомстве НКВД был организован достаточно чётко, хотя приведённые ниже данные уже несколько расходятся с вышеуказанными, но незначительно.

В ставшем известным несколько лет назад документе, под названием «Справка о ходе проверки б/окруженцев и б/военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.», подготовленном в октябре 1944 г. заместителем наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышовым, приводились следующие цифры распределения прошедших так называемую «фильтрацию» (приводим текст документа дословно – *А. Б.*):

«1. Для проверки бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену или окружении противника, решением ГОКО 1069 сс от 27. XII – 41 г. созданы спецлагеря НКВД.

Проверка находящихся в спецлагерях военнослужащих Красной Армии проводится отделами контрразведки «СМЕРШ» НКО при спецлагерях НКВД (в момент постановления это были Особые отделы).

Всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, 354 592 чел., в том числе офицеров 50441 чел.

Из этого числа проверено и передано:

а) в Красную Армию	249416	чел.
в том числе:		

[36] См.: *Черкасов А.* Военнопленные — правда и ложь. Правда. РУ/ http://www.pravda.ru/main/2001/08/31/31294.html

[37] См.: *Петров Н.* История ГУЛАГа/ http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/arhprint/228542.

в воинские части через военкоматы	231034	–
из них – о фицеров	27042	–
на формирование штурмовых батальонов	18382	–
из них — офицеров	16163	–
б) в промышленность по постановлениям ГОКО	30749	–
в том числе — офицеров	29	–
в) на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей	5924	–
3. Арестовано органами «Смерш»	11556	–
из них агентов разведки и контрразведки противника	2083	–
из них — офицеров (по разным преступлениям)	1284	–
4. Убыло по разным причинам за все время — в госпитали, лазареты и умерло	5347	–
5. Находятся в спецлагерях НКВД СССР в проверке	51601	–
в том числе — офицеров	5657	–

Как видим из справки, осенью 1944 г. в действующие армейские части было направлено 70,3 % от общего числа проверенных, на формирование штурмовых батальонов – 5,1 %. Из числа офицеров, оставшихся в лагерях НКВД СССР, в октябре 1944 г. было сформировано еще 4 штурмовых батальона по 920 человек в каждом[38]. Обращает на себя внимание широкое использование практики, когда часть военнослужащих, успешно прошедших «фильтрацию», передавалась для работы в промышленность, а также резкое увеличение численности отправляемых в штрафбаты. Довольно большое количество военнослужащих арестовывалось органами «Смерш».

На основе вышеприведенного цифрового материала, исследователь И. Полыхалов сделал подсчёты отдельно для рядового, сержантского состава и офицеров:

Направлено	Рядовых и сержантов	%	Офицеров	%
В воинские части через военкоматы	203992			60,38%
В штурмовые батальоны	2219	79,00%	27042	36,09%
В промышленность	30720	0,86%	16163	0,06%
В конвойные войска	?	11,90%?	29?	?
арестовано	10272	3,98%?	1284?	2,87%
В госпитали, лазареты, умерло	?			?
Всего прошло проверку	258208	100%	44784	100%

Таким образом, по мнению исследователя, среди рядового и сержантского состава благополучно проходило проверку свыше 95 % (или 19 из каждых 20) бывших военнопленных. Несколько иначе обстояло дело с побывавшими в плену офицерами. Арестовывалось из них меньше 3 %, но зато с лета 1943 г. и до осени 1944 г. значительная их часть направлялась в качестве рядовых и сержантов в штурмовые батальоны[39].

Практика огульного недоверия к лицам рядового и командного состава, побывавшим в плену, нашла самое суровое осуждение в словах одного из главных архитекторов Победы – Г. К. Жукова. В тексте непроизнесённой речи маршала на Пленуме ЦК КПСС, подготовленной им 19 мая 1956 г., содержался раздел «Об устранении неправильного отношения к бывшим военнопленным, возвратившимся на Родину из фашистского плена», в котором Г. К. Жуков с горечью констатировал: «При решении судьбы бывших военнопленных не принимались во внимание ни обстоятельства пленения и поведение в плену, ни факт бегства из плена, участие в партизанской борьбе и другое. Наши офицеры, попавшие в плен ранеными, мужественно державшиеся в плену, огульно лишались офицерского звания и без

[38] См.: *Пыхалов И.* Правда и ложь о советских военнопленных / http://www.geocities.com/CapitolHill/Parliament/7231/plen.htm.

[39] См.: Там же.

суда посылались в штрафные батальоны, наравне с лицами, совершившими преступления»[40].

С 1944 г. количество специальных лагерей, как и численность содержавшихся в них заключенных, что подтверждается цифровыми данными, начали стремительно расти. Это было связано с выходом Советской Армии на государственную границу СССР, началом освобождения иностранных государств, находившихся под немецко-фашистской оккупацией, процессом массовой репатриации советских граждан.

В высших органах государственной власти и в силовых ведомствах СССР, с изменением обстановки на советско-германском фронте в пользу советских войск, пришли к выводу о возможности и необходимости ещё более активного использования заключённых спецлагерей в качестве дополнительной бесплатной рабочей силы. Уже 6 апреля из недр НКВД выходит приказ № 00675 о порядке трудового использования спецконтингента и о подготовке «Табеля срочных донесений по трудовому использованию» проверявшихся, а 19 июля 1944 г. был опубликован приказ комиссариата внутренних дел «О передаче спецлагерей в ведение ГУЛАГа НКВД», и, таким образом, спецлагеря выводились из подчинения УПВИ НКВД. Этим же приказом вводилась должность заместителя начальника ГУЛАГа по спецлагерям НКВД. Заместителем начальника ГУЛАГа по спецлагерям Народного комиссариата внутренних дел был назначен полковник госбезопасности Г. М. Грановский, ранее работавший начальником отдела учета и распределения заключенных ГУЛАГа. Штаты ГУЛАГа увеличивались на 14 единиц.

Однако в качестве самостоятельного Отдел спецлагерей ГУЛАГа просуществовал недолго. 28 августа 1944 г. приказом № 001063 на базе Отдела спецлагерей ГУЛАГа был образован Отдел спецлагерей НКВД СССР, в ведение которого входила организация проверки и содержания возвращавшихся из плена советских граждан. Начальником Отдела был утвержден бывший заместитель начальника УНКВД по Московской области, полковник государственной безопасности Н. И. Шитиков[41]. 10 октября 1944 г. приказом № 001245 будет сокращена и должность заместителя начальника ГУЛАГа по спецлагерям.

В 1944 г предпринимались меры по дальнейшему материально-техническому и кадровому укреплению спецлагерей. 16 сентября 1944 г. был объявлен приказ о штатной численности отдела спецлагерей НКВД СССР, а 1 ноября того же года – приказ о штатах военизированной охраны для данного типа лагерей. Несколько раньше, 16 марта 1943 г., был опубликован приказ НКВД СССР за № 00488 «О порядке обеспечения спецлагерей продовольствием, вооружением, автотранспортом, вещевым и хозяйственным имуществом, топливом и горюче-смазочными материалами (через УВС НКВД СССР)».

С 1944 г. существенно изменялась и система проверки бывших военнопленных и распределения их по ведомствам и воинским частям. В ноябре 1944 г. ГКО принял постановление, согласно которому освобождённые военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря. Постановлением ГКО от 4 ноября 1944 г. за № 6884 с была подтверждена практика направления всех бывших военнопленных офицеров, находившихся на проверке в спецлагерях НКВД, на формирование штурмовых батальонов. Руководствуясь постановлением СНК СССР № 1482–456 сс от 23 октября 1944 г., Государственный Комитет Обороны в постановлении от 4 ноября 1944 г. принял решение:

«1. Установить впредь следующий порядок направления бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии, поступающих после их освобождения советскими и союзными войсками:

а) всех военнослужащих Красной Армии, освобожденных из плена советскими или союзными войсками, направлять, по мере их возвращения в Советский Союз, в специальные запасные части военных округов по назначению ГЛАВУПРАФОРМа НКО;

---

[40] Новые документы по новейшей истории / Ред. и сост. Г. Н. Севостьянов. М., 1996. С. 241.

[41] См.: Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ 1917–1991 гг.: Справочник / Сост., введ. и примеч. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова / Науч. ред. Р. Г. Пихоя. М., 1997. С. 41.

б) органам контрразведки «СМЕРШ» НКО в течение 1–2 месяцев заканчивать проверку в запасных частях всех прибывших в эти части бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии;

в) после проверки всех военнослужащих красноармейцев и командиров, не вызывающих подозрений, направлять на пополнение войск фронтов.

Выявленных при проверке лиц, служивших в немецкой армии, в специальных строевых немецких формированиях, «власовцев», полицейских и других, вызывающих подозрение, немедленно направлять в спецлагери по указанию НКВД для дальнейшей их проверки органами НКВД и «СМЕРШ» НКО.

2. Проверку бывших военнопленных офицеров впредь производить в специальных запасных частях НКО. Всех офицеров, находящихся в спецлагерях НКВД СССР, а также прибывших из Финляндии, после проверки обратить на формирование штурмовых батальонов. Обязать органы «СМЕРШ» НКО до 1-го декабря 1944 г. закончить проверку этих офицеров.

3. Разрешить НКВД СССР всех бывших военнопленных и окруженцев рядового и сержантского состава, ныне находящихся в спецлагерях НКВД, а также прибывших в спецлагери НКВД СССР из Финляндии и 4 ноября с. г. из Англии, по окончании их проверки передавать в рабочие кадры промышленности или использовать на строительствах НКВД, а также для службы в охране спецлагерей и лагерей ГУЛАГа НКВД СССР.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. Сталин»[42]

Таким образом, практически с конца 1944 г. бывших военнопленных направляли в запасные части, минуя спецлагеря, а затем в действующие воинские части. Сохранялась жёсткая политика в отношении офицеров, освобождённых из плена, вышедших из окружения или бежавших из вражеского заключения. Так как основную ответственность за крупные неудачи и поражения на фронте сталинское руководство по-прежнему перекладывало на командный состав, офицеры продолжали находиться под особым подозрением. Они составляли костяк штрафных батальонов. Только в самом конце войны наблюдается некоторое послабление в отношении данной категории военнослужащих.

Проверку в спецлагерях проходили не только бывшие военнопленные. Поступавший туда контингент делился на три учетные группы:

1-я – военнопленные и так называемые «окруженцы»;

2-я – рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности;

3-я – гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

Спецорганы тщательно пытались скрыть факты массовой проверки бывших военнопленных в спецлагерях, беззаконий, имевших место в лагерях, где фильтровались пленные, поэтому проверявшихся вынуждали давать подписку о неразглашении всего услышанного и увиденного ими во время прохождения фильтрации. Вот один из примеров, как спецорганы добивались неразглашения того, что, по их мнению, составляло государственную тайну. Бывший военнопленный Х. М. И., находившийся с мая 1943г. по 8 августа 1944 г. при немецкой зенитной части во Франции, после того, как был освобожден союзниками и вернулся в Советский Союз в 1944 г., прошел фильтрацию в спецлагере № 0316 в Таллине. После серии допросов им была дана подписка: «Я, нижеподписавшийся Х. М. И., даю настоящую подписку органам МГБ в том, что все разговоры по поводу моего вызова и допроса обязуюсь хранить в полной тайне, нигде, никому и ни при каких обстоятельствах их не разглашать. Об ответственности за разглашение предупрежден. 13/VIII–1945 г. (Подпись)»[43].

Таким образом, все вопиющие нарушения законности, произвол, допущенный в отношении проверявшихся репатриантов, спецорганы пытались скрыть, замаскировать под предлогом необходимости сохранения «государственной тайны».

---

[42] Историческая энциклопедия/ http://www.rspu.ryazan.ru/~dante/Mirrors/hrono/dokum/19441104gko.html.

[43] ГАНИСО. Ф. 6210. Оп. 1. Д. 23389. Л. 15.

Кроме подписки о неразглашении тайны о всех обстоятельствах проверки, которая давалась каждым, проходившим фильтрацию, спецорганы подстраховывали себя отказом от выдачи любых справок военнослужащим об их нахождении в спецлагерях и прохождении ими «государственной проверки».

26 декабря 1944 г. в места принудительного содержания советских военнослужащих поступила Директива НКВД № 53/2165 «О порядке выдачи справок бывшим военнослужащим о прохождении проверки в спецлагерях НКВД», в которой содержалось следующее разъяснение:

«а) на руки никаких справок не выдавать;

б) при передаче проверенного контингента в постоянные кадры промышленности – составлять списки с установочными данными без указания о том, что эти лица прошли спецпроверку;

в) при передаче проверенного контингента в военкоматы – никаких пересыльных справок не выдаётся, составляются на них лишь списки;

г) выдача справок-отношений разрешается только по запросам правительственных и партийных органов; органов НКВД–НКГБ, СМЕРШ, судебно-следственных и прокуратуры; командования воинских частей и учреждений; Уполномоченного по делам репатриации при СНК СССР и его аппарата на местах»[44].

Содержание данной директивы вряд ли можно объяснить только нежеланием руководства спецлагерей заниматься бумажной волокитой. Оно свидетельствует о преднамеренном и плохо скрываемом желании властей утаить от соотечественников, замаскировать факты пристрастной, проводившейся с нарушением процессуальных норм, массовой проверки военнослужащих собственной армии, в подавляющем своём большинстве не совершавших никаких преступлений против советского государства. Из жизни человека пытались навсегда вычеркнуть время, проведённое им в специальных лагерях. Справки на представителей так называемого «спецконтингента» выдавались тем органам и учреждениям, от которых вряд ли можно было ожидать поощрений и наград. Эти персонифицированные сведения чаще всего нужны были для дополнительной проверки, уточнения каких-то данных, и, судя по перечню ведомств – чаще всего данных далеко нелицеприятных для тех, на кого они запрашивались.

По состоянию на 1 января 1945 г., в спецлагерях НКВД проходили проверку 71 398 человек, из них 32 483 военнопленных (1 375 офицеров и 31 108 рядовых и сержантов), 15 289 служивших в немецкой и других армиях противника, 9 796 полицейских, 6 078 гражданских лиц по 3-й группе учета, 3 590 старост, 2 863 служивших в карательных и административных органах противника, 2 589 легионеров, 65 власовцев и 20 бургомистров. Кроме того, числилось 25 019 человек, в отношении которых проверка была завершена. Следовательно, всего тогда в спецлагерях НКВД находилось 96 417 человек (96 282 мужчины и 135 женщин), из них 53 225 проходили по 1-й группе учета, 35 322 – по 2-й и 7 840 – по 3-й (к концу войны 3-я группа учета перестала существовать). Из числа находившихся 1 января 1945 г. в спецлагерях 31 585 человек являлись репатриантами, из них 28 518 военнопленных и 3 067 гражданских[45].

В связи со структурными изменениями, которые продолжали происходить в недрах силового ведомства (НКВД), одновременно модифицировались и структуры, занимавшиеся проверкой военнопленных. Приказом № 00100 НКВД СССР от 20 февраля 1945 г. спецлагеря Народного комиссариата внутренних дел СССР были преобразованы в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ НКВД). Отдел спецлагерей НКВД СССР был переименован в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ НКВД СССР) во главе с бывшим руководителем Отдела спецлагерей, комиссаром госбезопасности Н. И. Шитиковым, которому на основании приказа от 9 июля 1945 г. было присвоено звание генерал-майора государственной безопасности. С завершением массовой репатриации, 22 января 1946 г. Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР был расформирован, а его функции переданы в ГУЛАГ НКВД СССР. Управление ПФЛ просуществовало до 1947 г.

---

[44] Г*ерман А. А.* Указ. соч. С. 173.

[45] См.: *Земсков В. Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект)/ http://www.hrono.ru/statii/2001/zemskov.html.

Весной 1945 г. в НКВД был образован специальный отдел «Ф» (фильтрация) под руководством генерала П. А. Судоплатова, отвечавшего в целом за проверку и фильтрацию репатриантов. В связи с увеличившимся потоком репатриантов, среди которых было немало освобождённых советских военнопленных, создавались дополнительные специальные лагеря в военных округах, – в Прибалтике, Одессе, Прикарпатье, Выборге, Мурманске, Баку и даже Владивостоке. Действовали и промежуточные распределительные пункты (ПРП) в областях и районах. Под руководством Уполномоченного по делам репатриации советских граждан при СНК СССР генерала Ф. И. Голикова работала целая армия (до 140–150 тыс.) сотрудников более чем 30 ведомств и активистов партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, был задействован громадный транспортно-лагерный механизм[46].

В мае 1945 г., в связи с завершением войны против фашистской Германии, когда процесс репатриации приобрёл ещё более широкие масштабы, И. Сталин лично отдал распоряжение командующим шести фронтов, которые вели бои в Германии и в Центральной Европе, создать в своих тылах не менее 100 лагерей, каждый из которых должен был вмещать 10 000 советских граждан – бывших военнопленных и гражданских перемещённых лиц, подлежавших спецпроверке[47]. Директивой Ставки ВГК № 11086 от 11 мая 1945 г. предписывалось создать 70 лагерей для военнопленных и 30 для гражданских лиц и 46 сборно-пересыльных пункта (СПП). По фронтам ПФЛ и СПП распределялись следующим образом[48].

Фронты	ПФЛ (для военнопленных/для гражданских лиц)	СПП
1-й Белорусский фронт	30 (21/9)	10
2-й Белорусский фронт	15 (10/5)	6
1-й Украинский фронт	30 (22/8)	15
2-й Украинский фронт	10 (7/3)	6
3-й Украинский фронт	10 (7/3)	5
4-й Украинский фронт	5 (3/2)	4

Во вновь образовываемых лагерях проверку бывших советских военнопленных И. Сталин возлагал на органы контрразведки «Смерш», а гражданских лиц – на проверочные комиссии из представителей НКВД, НКГБ и «Смерш», под председательством представителя НКВД. Срок проверки устанавливался не более 1–2 месяцев, но в реальности, эти сроки не соблюдались, они нередко значительно превышались.

Согласно данным, полученным на основе анализа проверочно-фильтрационных дел репатриантов, было создано более 200 проверочно-фильтрационных лагерей, где подвергались унизительной процедуре «государственной проверки» освобождённые советские военнопленные. На 1 августа 1945 г. только в советской зоне оккупации имелось 86 лагерей, 18 комендатур и 23 сборных пунктов пленных.

Проверочно-фильтрационные лагеря не были едиными для освобождаемых узников нацизма. Существовали специальные лагеря, где проверялись только советские офицеры (Подольск, Вышний Волочек, ПФЛ в немецком городе Бауцен и др.). Командиры Красной Армии, находившиеся в плену, продолжали вызывать особое подозрение у сталинского режима и до конца войны находились под его особым контролем.

Как свидетельствуют мемуарные источники, процедура проверки для подавляющего большинства репатриантов-военнопленных, прибывших в Советский Союз в порядке общей репатриации с территории зарубежных стран, особенно для тех, у кого не было никакой вины перед Родиной, оказывалась полностью неожиданной, и вызвала у них психологическое потрясение. «Мы снова оказались за колючей проволокой под напряжением, с убедительной охраной и на скудном лагерном пайке для подследственных, от которого как утверждали лагерные остряки,

---

[46] См.: *Беляков Л. П.* Горькая судьба репатриированных военнопленных // Репрессированные геологи. М.; СПб., 1999. С. 419–422.

[47] См.: *Булок А.* Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 566.

[48] См.: *Герман А. А.* Указ соч. С. 163.

жив будешь, но дорогу к Марусе позабудешь..., – вспоминал бывший военнопленный С. М. Бибиков. – Никак не ожидали мы, что, вырвавшись из лагерей фашистских, попадем снова за колючую проволоку у себя на родине, что дома нас ждут страшные унижения»[49].

Уже в процессе репатриации, во время транспортировки в фильтрационные лагеря, бывшие пленные ощущали недоброжелательность со стороны сопровождавших их лиц, конвоиров. Сформированная в СССР в довоенный период политика негативного отношения к военнопленным, которых рассматривали как предателей и изменников Родины, приносила свои плоды. Об этом свидетельствовал «опальный генерал» П. Г. Григоренко, который со слов героя Сопротивления на норвежской земле – Василия Новобранца, так рассказывал об отъезде бывших советских военнопленных из Норвегии: «На погрузку все шли радостно возбужденные. На членов корабельной команды смотрели чуть ли не как на посланцев неба. И были, естественно, поражены, столкнувшись с отчужденными взглядами, официальным, если не враждебным отношением офицеров и матросов. Особенно же неприятно поразило присутствие на кораблях сухопутных солдат и офицеров. Эти вели себя куда хуже моряков. Это были скорее лагерные охранники, чем солдаты. Они и вели себя, как охрана.

– Все оружие в пирамиды! Ничего из оружия при себе не оставлять! – И ощупывали выходящих из пирамиды не только взглядом, но и руками.

Все это не могло воодушевить воинов, рвавшихся на Родину. Настроение упало. Темные предчувствия навалились на людей. Офицеров отделили от солдат. Василий был изолирован в отдельной каюте, напоминавшей скорее одиночку тюрьмы, чем корабельную каюту. Предчувствия, наверно, так навалились на людей, что они не выдержали. Примерно на полпути от Осло до Ленинграда солдаты решительно потребовали показать им командира и офицеров. Возмущение, видимо, было настолько сильным, что капитан попросил Василия пойти к солдатам и успокоить их.

– И хотя у меня самого, – говорил он, – кошки скребли на душе, я вынужден был успокоить солдат. Ибо к чему могла привести вспышка возмущения? Только к гибели всех. Но это было не худшее выступление перед солдатами. Более отвратительную роль мне предстояло еще сыграть. Когда мы прибыли к месту разгрузки, мне предложили сказать солдатам, что сразу домой их отпустить не могут, что они должны пройти через карантинные лагеря. Власти должны убедиться, что в их ряды не затесались шпионы, диверсанты, изменники Родины. Я должен был призвать их к покорности своей судьбе. И я это сделал. А потом со слезами на глазах стоял у трапа и смотрел, как гордых и мужественных людей этих прогоняли к машинам по коридору, образованному рычащими овчарками и вооруженными людьми, никогда не бывавшими в бою и не видевшими врага в глаза. Затем увезли и меня. «Проверять», не шпион ли я, не диверсант или изменник родины»[50].

Осуществляя через спецорганы «госпроверку» возвращавшихся в Советский Союз по каналам репатриации, государственное руководство, на наш взгляд, пыталось достичь четыре главные цели: во-первых, в ходе фильтрации выявить гитлеровских пособников, предателей, перебежчиков, дезертиров, агентов иностранных разведок[51]. Эта цель была вполне понятна, объяснима и оправдана. Во-вторых, уполномоченные на это представители системы стремились проверить, как вели себя советские люди, оказавшиеся в экстремальных условиях за границей; дала ли положительные результаты официальная пропаганда, воспитывавшая советский народ в духе превосходства советского образа жизни, некритического восприятия действительности. Другими словами, спецорганы стремились проверить на лояльность сталинскому режиму возвратившихся из-за границы, тех, кто познакомился, хотя бы поверхностно с элементами западной демократии,

---

[49] *Бибиков С. М.* Нас не покорить. Харьков, 1991. С. 211, 213.

[50] *Григоренко П. Г.* В подполье можно встретить только крыс… / http://www.memo.ru/history/diss/books/grightml/Chapter19.htm.

[51] Вражеская агентура особенно активизировалась после вступления частей Красной Армии на территорию Германии. Член Военного совета 1-го Украинского фронта 4 апреля 1945 г. сообщал начальнику Главного Политического Управления РККА о политической обстановке на занятой территории Германии в полосе действия войск фронта: «Засылаются также диверсанты и шпионы не только немецкой национальности, но и поляки, русские, украинцы, белорусы, казахи и другие, одетые в форму офицеров и бойцов Красной Армии» (см.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). Т. 15 (4–5). М., 1995. С. 216.

иным образом жизни, с культурой других народов, сумел по образному выражению современников «заглянуть на противоположную сторону луны». В-третьих, спецорганы, таким образом, стремились получить ценную для них информацию, в том числе разведывательного характера. Наконец, в-четвёртых, ПФЛ стали ещё одним местом концентрации бесплатной рабочей силы, так как проходившие фильтрацию привлекались к работам на различных промышленных объектах.

Не трудно предположить, что государственная проверка более 5 млн граждан советского государства по своим масштабам была беспрецедентной акцией, не имевшей аналогов в истории, потребовавшей привлечения немалых материально-финансовых средств, использования солидного следственно-репрессивного аппарата.

Поскольку госпроверка репатриантов являлась неординарной, специфической работой (необходимость фильтрации большого количества людей, организация тщательной проверки каждого репатрианта), то для ее проведения создавались специальные проверочно-фильтрационные комиссии. В первую очередь фильтрацией возвратившихся в СССР занимались сотрудники военной контрразведки «Смерш». Бывший подполковник Советской Армии В. Ершов в статье «Репатриация», являвшейся частью его обширной работы по истории репатриации, выполненной в послевоенные годы в США, указывал, что для работы за рубежом в фильтрационных лагерях привлекались отделы «Смерш» всех дивизий и корпусов; кроме них приезжали сотни специалистов-смершевцев из СССР и целые бригады НКВД[52]. Но так как поток проверявшихся репатриантов был значительным, то для оказания помощи сотрудникам «Смерш» откомандировывались кадровые армейские офицеры, прошедшие специальную подготовку или инструктаж. К «государственной проверке» привлекались региональные органы государственной безопасности, в том числе создававшиеся вновь. В самом конце зимы 1945 г. началось организационное оформление аппарата уполномоченного НКВД СССР по Восточной Пруссии. Среди основных задач, которые решали аппарат и его территориальные оперподразделения на местах, являлось участие в осуществлении процедуры спецпроверки и быстрейшей отправки на Родину советских людей из числа бывших военнопленных и насильно вывезенных в годы оккупации на каторжные работы в Германию гражданских лиц[53]. К истечению августа 1945 г. через работающие при аппарате уполномоченного проверочно-регистрационные комиссии прошло 165 766 репатриантов из числа советских граждан, при этом 99 119 человек из них были призваны на службу в Вооруженные Силы, 34 634 отправлены на Родину в СССР, 12 494 препровождены в спецлагеря, а оставшиеся 2 421 человек взяты под стражу по подозрению в совершении различных преступлений[54].

Механизм «госпроверки», возвращавшихся военнопленных, на первый взгляд, был достаточно прост. На каждого репатрианта-военнопленного оперативным сотрудником проверочно-фильтрационной комиссии со слов проверяемого заполнялась анкета установленного образца (так называемая «Анкета гражданина СССР, возвратившегося в СССР через границу»), содержавшая около 30 вопросов. В ней фиксировались данные о личности проверяющегося: его фамилия, имя и отчество; год, число и месяц рождения; место рождения; последнее место жительства и его адрес; национальность и родной язык; партийность; образование; профессия; наличие судимости и другие. Ряд вопросов был связан с прохождением воинской службы проверяемого (род войск; воинское звание; когда и каким военкоматом призывался; где и когда, в составе какой воинской части принимал участие в боевых операциях и т.д.).

Многие вопросы анкеты были связаны с обстоятельствами пленения и условиями жизни за границей военнопленных, проходивших фильтрацию. Заполняя подробные анкеты, бывшие военнопленные отвечали и на вопросы, касавшиеся пленения и пребывания в местах заключения: где и при каких обстоятельствах попал в плен? Кто был рядом? Кто подтвердит сказанное тобою? Где находился в плену? О чем тебя спрашивали в лагере? Чем занимался?

---

[52] См.: *Ершов В.* Репатриация // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № XXXII. С. 216.

[53] См.: Управление ФСБ по Калининградской области. Начало... По истокам истории областного УФСБ / http://kaliningrad.fsb.ru/history/begin.html.

[54] См.: Там же.

Сотрудников проверочно-фильтрационных комиссий интересовало где, когда и при каких обстоятельствах допрашиваемый попал в плен или окружение; сколько раз, когда, где задерживался; допрашивался ли военными, полицейскими органами, гестапо на оккупированной советской территории и по каким вопросам; если судился фашистскими органами, когда и за что; какой срок наказания был определен, где его отбывал, когда и кем был освобожден; каким иным видам репрессий подвергался со стороны фашистов. После вопроса, содержавшегося в анкете: «Когда и при каких обстоятельствах попал на территорию воюющих с СССР стран или в оккупированную Германией страну?», для оперработников была сделана специальная приписка: «Выяснить подробно, попал ли за границу в качестве военнопленного, мобилизованного или выехал добровольно».

Кроме того, в анкете фиксировались сведения о роде занятий и месте нахождения за границей, о службе в воинских антисоветских формированиях. Допрашиваемым предлагалось также назвать имена и фамилии изменников Родины, предателей; их просили рассказать, при каких обстоятельствах и как они прибыли из-за рубежа на границу с СССР, указать, кто может подтвердить изложенные ими факты. В заполняемом документе имелось место для фотографии и дактилооттиска указательного пальца правой руки. Фотографии, как правило, в анкетах отсутствовали. Что же касается отпечатков пальцев, то их снимали практически всегда. Факт снятия оттиска сразу же ставил репатриантов-военнопленных в положение подозреваемых. Анкета в обязательном порядке заверялась подписью опрошенного и содержала заключение председателя и членов проверочной комиссии.

Ответы на эти вопросы давали возможность спецорганам при необходимости уточнить сведения на репатрианта, осуществить его дополнительную проверку. Военнопленные, прошедшие через эту унизительную процедуру, вспоминали, что заполнять анкеты нередко приходилось десятки раз, чтобы сотрудники НКВД могли уловить, нет ли где расхождения в показаниях

Личные дела лиц, проходивших фильтрацию, включали не только анкету. В зависимости от личности проверявшегося, вызывал он подозрение или нет, степени доверия к нему, личное дело репатрианта могло содержать и другие документы: автобиографию; запросы, направленные спецорганами по довоенному адресу; трофейную карточку военнопленного, заполненную в немецких лагерях; агентурные донесения и др. Личные дела, заведенные на репатрианта в ПФЛ, в последующие годы дополнялись материалами и документами в областных и краевых управлениях госбезопасности, составленные на основе негласных донесений. Во многих личных делах имелись и протоколы допросов. Допрашивали тех, чьи ответы на вопросы анкеты вызывали сомнения. В среднем – каждого третьего. Анализ проверочно-фильтрационных дел показывает: наиболее часто допросу подвергались те из советских граждан, кто был освобожден союзными англо-американскими войсками. Очевидно, предполагалось, что среди освобожденных союзниками вполне могли находиться завербованные в качестве агентов иностранных разведок.

В архиве Управления ФСБ по Волгоградской области находится проверочно-фильтрационное дело моего отца, Бичехвост Фёдора Ивановича, участника Великой Отечественной войны. Отца уже нет в живых, но его личное дело по-прежнему находится в ведомственном архиве, как и сотни других офицерских дел, кто имел несчастье в годы Великой Отечественной войны оказаться в немецком плену. Надо полагать, хранилось и хранится личное дело в режиме секретности, так как доступ к нему по-прежнему ограничен (это спустя 60 лет после Победы!). Дела пленных офицеров, проходивших фильтрацию, по ряду ведомственных архивов так и не переданы на хранение в государственные архивы, как это было сделано в своё время на основании Указа Президента РФ в отношении личных дел рядовых, побывавших в плену.

Военную службу Ф. И. Бичехвост проходил в качестве командира стрелкового взвода 91-о стрелкового полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии 62-й армии. На его плечи, как и на плечи тысяч советских военнослужащих, выпал один из неблагоприятных периодов Великой Отечественной войны – участие в кровопролитных и жестоких оборонительных сражениях в Большой излучине Дона на дальних подступах к Сталинграду, когда недоукомплектованные и обескровленные части 62-й и 64-й армий вели тяжёлые бои с превосходившими силами противника, перемалывая в жестоких боях вражеские полки и дивизии, тем самым создавая ус-

ловия для накопления в тылу Красной Армии резервов и завершения строительства оборонительных сооружений вокруг Сталинграда. Однако в силу стратегических просчётов наших штабов, а главное из-за превосходства в живой силе и технике 6-й полевой армии Паулюса, отдельные дивизии 62-й армии оказались в окружении, вырваться из которого удалось немногим. Наших отступающих бойцов и командиров уже ждали в глубоком тылу немецкие гарнизоны. В ночной схватке под Островом, недалеко от Калача-на-Дону, отец был пленён. А дальше его ожидала такая же участь, как и многих советских пленных: пересыльные и стационарные лагеря военнопленных, неудавшиеся попытки бегства, трудовой лагерь и непосильная работа в Диффердинге, освобождение союзными англо-американскими войсками, работа в советской миссии по репатриации на территории, оккупированной англичанами и американцами, фильтрация в Высшем Волочке, а затем повторный допрос спецорганами на Украине. В личном деле отца, в материалах допроса, «жирным карандашом» выделена фраза, где говорилось о его сотрудничестве с английским офицерами, когда осуществлялся поиск советских граждан на территории Германии, и нашим соотечественникам оказывалась такая необходимая медицинская и бытовая помощь. Контактов с иностранцами советским гражданам, даже по долгу службы, система простить не могла! Чего стоила отцу эта выделенная фраза в материалах личного дела, теперь уже неизвестно никому…

Если проверяемый вызывал подозрение, то решением фильтрационного органа, работавшего на территории СССР, материалы дела, передавались в городской либо районный отдел управления госбезопасности для активной агентурной разработки репатрианта; по месту жительства делались срочные запросы о наличии на него компрометирующих материалов. Такие запросы из фильтрационных пунктов направлялись на основании приказа МВД СССР за № 00865 от 21 июля 1945 г.[55].

В практике следственных мероприятий, проводившихся в фильтрационных лагерях, широко использовался метод перекрёстных допросов проверяемых. Такой метод позволял уточнить детали биографии, находившихся в плену, получить на них либо оправдательный, либо, наоборот, компрометирующий материал. Нередко материалы допросов так называемых «свидетелей», – таких же проходивших фильтрацию военнопленных, служили важным аргументом для оправдания и успешного прохождения «госпроверки». Известный после войны прозаик, член Союза писателей, Виктор Сергеевич Балашов, в начале Великой Отечественной войны служил в стройбате, копал противотанковые рвы на Украине. В июле 1942 г. он оказался в окружении, попал в плен, был угнан в Германию. В качестве военнопленного трудился на шахтах Верхней Силезии, занимался подпольной работой, неоднократно пытался совершить побег. Свидетельства очевидцев впоследствии помогли ему при «спецпроверке» «Смерш» в фильтрационном лагере[56].

Несмотря на то, что фильтрацию предполагалось осуществить в сжатые сроки (в специальном приказе, подписанном Берией, речь шла даже о 10 днях, в течение которых должна была закончена проверка каждого репатрианта, находившегося в ПФЛ), в действительности, как уже отмечалось выше, она затягивалась нередко на несколько месяцев. «С проверкой не торопились: офицеров задерживали в лагере от нескольких месяцев до года, а то и больше»[57], — вспоминал С. М. Бибиков.

Дополнительные сведения о механизме проверки можно узнать из воспоминаний тех, кто в своё время прошел через эту унизительную процедуру. «Вечерами работает особый отдел, и нас поочередно вызывают туда, – рассказывал в опубликованных воспоминаниях бывший репатриант Г. И. Андреев. – Одних допрашивают долго, других – вроде меня – отпускают быстро. Где попал в оккупацию, где родные, в каких местах и лагерях был в Германии, что там делал. Некоторые – те, что постарше, и бывшие военнопленные – после беседы с «особняком» исчезают неизвестно куда» [58].

При проведении следственных мероприятий, часть следователей во время допросов стремилась быть объективной; они внимательно относились к репатри-

---

[55] См.: ГАНИСО. Ф. 6210. Оп. 1. Д. Оф-16296. Л. 7.
[56] См.: Балашов Виктор Сергеевич / http://www.relga.ru.
[57] *Бибиков С. М.* Указ. соч. С. 211.
[58] *Андреев Г.* Возвращение. Из воспоминаний бывшего репатрианта // Ленинградская панорама. 1991. № 2. С. 23–24.

антам, не забывая, что перед ними люди необычной, трагической судьбы. Но среди оперативных работников было немало и таких, кто злоупотреблял властью, проводил дознание с нарушением процессуальных норм, глумился над людьми, применял недозволенные средства и методы допросов. Примером бездушного, издевательского отношения к проходившим проверку репатриантам служит факт, описанный в книге С. М. Бибикова «Нас не покорить»: «На наши требования ускорить проверку следователи отвечали, что был де в лагере один «такой» повар. Сидел на кухне полтора года и был «чистеньким». Потом, кто-то узнал в нем предателя. Вот и вы сидите. И приводили классический пример: на тысячу честных всегда найдется один враг, так что лучше пусть пострадает тысяча, чем уйдет один» [59]. С. М. Бибиков приводит факты пристрастного отношения следователей к бывшим командирам Красной Армии, проходившим фильтрацию, когда офицеров в ходе «госпроверки» заставляли по многу раз писать историю своего пребывания в плену, указывать места расположения лагерей, даты прибытия и отбытия из них, свидетелей и т.д. Делалось это, по словам очевидца, умышленно: «Авось человек запутается. Вот тогда его и отправят в места не столь отдаленные, ни сном, ни духом не ведающего, за что он угодил в «изменники Родины»[60]. О попрания нравственных и правовых норм во время проверок рассказывали и другие, прошедшие через чистилище фильтрационных лагерей.

Такое отношение части сотрудников спецорганов к своим соотечественникам не было новым и удивительным. Достаточно вспомнить произвол и беззаконие, господствовавшие в стране в 20 - 30-е гг., накануне войны. Истоки того, что подчас творилось в проверочно-фильтрационных лагерях, были заложены именно в этот период. А. Антонов–Овсеенко был абсолютно прав, когда, оценивая действия подручных Л. Берии, писал «Пренебрежение человеческой жизнью, попрание нравственных и правовых норм – все это и многое другое из обозначенного ряда – порождение сталинщины. Стоит ли после этого удивляться, что многие члены органов выдавали за добродетель грубость и бессердечие, стяжательство»[61].

Распространявшиеся накануне и в годы Великой Отечественно войны недоверие к советским военнослужащим, побывавшим в плену, стремление частично переложить на них вину за неудачи на советско-германском фронте в начале войны, культивируемое в общественном сознании пренебрежение к людям, которые попали в плен и якобы «благополучно» отсиделись там – все это фактически развязало руки отдельным работникам проверочно-фильтрационных комиссий, освободило их от ответственности за антиправовые действия в отношении своих соотечественников. Сформированная государственная политика недоверия и презрения к пленным, обусловила произвол и беззаконие при осуществлении массовой фильтрации советских граждан.

Согласно различным источникам, репатрианты-военнопленные, проходившие проверку в фильтрационных лагерях, в массовом порядке привлекались к принудительной трудовой повинности, к выполнению различного рода физических работ. Их можно было встретить на самых различных промышленных объектах, на стройках, лесоповалах, в забоях шахт. Репатрианты-военнопленные, которые продолжали именоваться «спецконтингентом», трудились, в частности, на шахтах Донбасса, Криворожского угольного бассейна, других объектах горнодобывающей промышленности, где мог использоваться бесплатный труд. По словам Г. Анохина, прошедшего унизительную процедуру проверки, спецконтингент, пока его фильтровали, «хлеб даром не ел – работал под конвоем в угольных забоях»[62]. «Рабочие у нас были ПФЛ – думаю, что для вас это незнакомо, – вспоминал в письме к подполковнику милиции И. И. Чухину один из участников восстановления Беломоро-Балтийского канала – Б. Ковин. – Это солдаты, командиры, бывшие в плену у немцев. Они содержались в лагерях без охраны, проходили проверку»[63].

По утверждению М. Б. Смирнова, С. П. Сигачева, Д. В. Шкапова, положение занятых принудительным трудом в СССР мало чем отличалось от положения за-

---

[59] *Бибиков С. М.* Указ. соч. С. 211.
[60] Там же.
[61] *Антонов-Овсеенко А.* Берия: годы войны // Коммунист Татарии. 1990. № 5. С. 64.
[62] *Анохин Г.* Белые пятна на карте ГУЛАГа // Столица. 1991. № 31–32 (без указания страницы – *А. Б.*).
[63] *Чухин И. И.* Каналоармейцы: История строительства Беломорканала в документах, цифрах, фактах, фотографиях, свидетельствах участников и очевидцев. Петрозаводск, 1990. С. 218.

ключенных[64]. Проходившие проверку, в частности, вспоминали о весьма скудном рационе питания в ПФЛ. «Когда отбили нас из лагеря военнопленных у фашистов, отправили на госпроверку, – рассказывал один из проверяемых свою типичную биографию для его поколения, попавшего едва не из-за школьной парты или ФЗУ в горнило военной бойни. – Проходили же ту проверку в шахтах и выдавали на день булку хлеба да конфетку»[65].

По действующим инструкциям, заключенным в ПФЛ начислялась только половина от заработанных ими сумм. Другая половина направлялась на «возмещение расходов по содержанию спецконтингента». Но сами работники могли получить на руки не более 50 руб. И лишь в случае особого благоволения начальника лагеря им могли выдать заработанные деньги полностью или перевести их родным[66].

10 мая 1945 г. в ПФЛ находились 160 969 человек спецконтингента, которые использовались на работах по наркоматам: угольной промышленности – 90 900 человек, строительства – 2 650, обороны – 800, вооружения – 5 000, боеприпасов – 6 600, минометного вооружения – 2 300, цветной металлургии – 5 000, химической промышленности – 3 900, электростанций – 12 600, тяжелого машиностроения – 955, среднего машиностроения – 2 000, легкой промышленности – 710, черной металлургии – 950, текстильной промышленности – 130, целлюлозно-бумажной – 359, станкостроения – 400, путей сообщения – 1 100, НКВД – 18 200, НКГБ – 570, электропромышленности – 490, пищевой промышленности – 265, нефтяной – 280, военноморфлота – 1 000 и прочих ведомств – 3 800 человек[67].

Дискуссионным вопросом в исторической науке на сегодняшний день продолжает оставаться вопрос: насколько правомерным, законным и оправданным было создание специальных и проверочно-фильтрационных лагерей для бывших советских военнопленных? Как считает часть отечественных исследователей, такая проверка имела под собой объективную основу. Необходимо было установить: не являлся ли проверяемый военнослужащий дезертиром, военным преступником, вражеским агентом, перебежчиком, а таких случаев в начале войны, и в ходе её было немало. «Элементарный здравый смысл подсказывает, – утверждает, например, А. Черкасов, – что бывшие военнослужащие, вернувшиеся из вражеского плена, должны непременно быть проверены органами военной контрразведки. Хотя бы по той простой причине, что среди них обязательно имеется некоторое количество завербованных врагом предателей. Немцы всегда активно использовали этот канал для засылки своей агентуры»[68].

И нередко это было действительно так. В своих мемуарах Вальтер Шеленберг рассказывал о практике вербовки резентуры из советских военнопленных: «В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которые после обучения забрасывались в глубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы скорее добиться успеха мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе»[69].

История располагает далеко не единичными фактами успешной вербовки спецорганами нацистской Германии советских военнопленных в качестве своих агентов. «[В] последнее время наблюдаются все чаще случаи переброски агентуры в наш тыл из неустойчивых военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену у немцев, причем отдельные из них перебрасываются на территорию расположения частей Красной Армии с оружием, имея указания по диверсии и террору», – сообщалось, например, в докладной записке от 21 декабря 1941 г. НКВД Украинской ССР в НКВД СССР о методах работы немецкой разведки на территории Украины[70]. В донесении от 21 сентября 1942 г ОО СТО в УОО НКВД СССР на имя Абакумова об обстановке в Сталинграде, отмечалось, что среди расстрелян-

---

[64] См.: *Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В.* Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // http://www.memo.ru/HISTORY/NKVD/GULAG/articles/Chapter3prim.htm#_VPID_13_175.
[65] *Андреева Г.* Обида // Вечерний Новосибирск. 2000. 20 ноября.
[66] См.: *Суслов А. Б.* Указ соч.
[67] См.: *Петров Н.* Указ. соч.
[68] *Черкасов А.* Указ. соч.
[69] Там же.
[70] http://warmech.narod.ru/smersh/g750.html.

ных за шпионаж – командир отделения 126 стрелковой дивизии Г. Пушков, который сдался в плен немцам 14 сентября на окраине Сталинграда, в плену был завербован и получил задание установить в Сталинграде месторасположение штаба, стоянку установок «РС», местонахождение работников УНКВД и Особого отдела. Г. Пушков был задержан при выполнении задания немецкой разведки и после предварительного допроса расстрелян[71].

Интересные факты сообщает саратовский историк С. А. Овчинников о деятельности диверсионно-разведывательных групп, действовавших в годы войны в Поволжье. ДРГ состояли, как правило, из двух, трех или пяти человек, но были и более многочисленные десанты. Фашистская разведка вела вербовку агентуры для их комплектования из числа военнопленных, жителей оккупированных районов, изменников и предателей. После предварительного изучения и проверки эти лица направлялись на обучение в специальные разведывательно-диверсионные школы. Вполне понятно, что мотивы пойти на сотрудничество с фашистскими спецслужбами у таких лиц были самыми различными. Были среди них убежденные враги своей страны, но находилось немало и тех, кто совершал подобные действия, чтобы выбраться из фашистской неволи.

Вот что рассказывал явившийся с повинной в органы контрразведки на территории Сталинградской области один из участников ДРГ противника. 8 августа под Смоленском он был ранен и вместе с группой бойцов в количестве примерно 200 человек окружен противником и попал в плен. В лагере военнопленных в Перемышле активно действовали вербовщики немецкой разведки. В январе 1942 г. был ими завербован и направлен на обучение в Варшавскую разведывательную школу. Вместе с ним для обучения отобрали примерно 100 человек. По железной дороге повезли в сторону Варшавы и в 8 км от станции высадили из вагонов, пешком переправив в поселок, расположенный неподалеку. Через некоторое время выстроили на плацу и объявили, что прибывшие находятся в разведшколе и будут готовиться для выполнения военных разведывательных заданий в тылу Красной Армии. Кто не желает учиться, будет возвращен в концлагерь. Таковых не оказалось. На третий день каждый написал подробную автобиографию с указанием всех родственников, их мест жительства и работы и получил псевдоним.

После окончания обучения всех сфотографировали в военной и гражданской одежде, на каждого заполнили учетные карточки, сняли отпечатки пальцев.

Курсантами школы были, как правило, военнопленные, но преимущество отдавалось лицам, добровольно сдавшимся в плен. Из числа курсантов многие были жителями оккупированных территорий, остальные ранее проживали в крупных тыловых городах Москве, Куйбышеве, Сталинграде и других. Школа была рассчитана на обучение 400 человек, срок подготовки был 2–3 месяца. В этот период в школе находилось примерно 100 человек разведчиков – радистов, 150 человек – диверсантов-разведчиков ближнего войскового тыла Красной Армии. Остальные готовились для работы в лагерях военнопленных и для заброски в партизанские отряды. Ежедневно было по шесть часов учебных занятий, на которых рассказывалось об общих задачах разведки и диверсионной деятельности и что необходимо в этих целях предпринимать, проводились занятия по топографии и ориентированию на местности, изучались формы и методы работы контрразведки, отрабатывались приемы перехода через линию фронта. Много внимания уделялось физической подготовке, рукопашному бою. Общаться с другими категориями курсантов категорически запрещалось. В группе радистов были бывшие командиры Красной Армии, знакомые с радиоделом. В группу разведчиков глубинных районов велся очень тщательный отбор курсантов, и их проверка была весьма серьезной. В мае 1942 г. выпускников школы в количестве 32 человек направили в распоряжение разведотдела 6-й немецкой армии, где они получили задание и были переправлены через линию фронта[72].

Но на сторону врага советские военнослужащие переходили и по другим причинам. Так, в марте 1942 г. в Заполярье шестеро солдат из боевого охранения в обороне переметнулись к противнику. Эти солдаты долгое время не получали положенного довольствия, голодали, были обморожены. Не выдержав несправедли-

---

[71] Донесение ОО СТО в УОО НКВД СССР об обстановке в Сталинграде 21 сентября 1942 г. / http://gorod.bayard.ru/gorod_text.asp?id=24.

[72] См.: *Овчинников С. А.* Органы НКВД СССР Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / http://hranitel.renet.ru/?id=news&IdNews=10.

вости со стороны непосредственных начальников и поддавшись вражеской агитации (листовки, громкоговорители) вынуждены были уйти к противнику в надежде выжить. Майор И. Кононов, ставший впоследствии командиром казачьего полка в вермахте, а затем командиром казачьих дивизий и корпуса, летом 1941 г. находился на очень сложном участке в арьергарде, прикрывал отход своей дивизии. 22 августа с большой частью полка, со знаменем, с группой командиров и комиссаром перешел на сторону немцев, заявив, что «желает бороться против ненавистного сталинского режима». По утверждению немецкого историка И. Хоффмана, на сторону Германии перелетело не менее 80 советских летчиков на своих самолетах. Из них сформировали группу летчиков, которой командовал бывший полковник Красной Армии В. Мальцев. Группа участвовала в боевых действиях вместе с тремя эстонскими и двумя латышскими авиаэскадрильями. На сторону врага немало воинов перебегало в ходе всей войны. Считается, что процентное соотношение перебежчиков в плен в первый год войны не превышало 1,4–1,5 %. В дальнейшем этот показатель уменьшался. Случаи перехода на сторону врага отмечались и в конце войны. Среди 27 629 советских военнослужащих, плененных с декабря 1944 г. по март 1945 г. насчитывалось 1 710 перебежчиков. Для сравнения, среди такого же количества американских, английских и французских военнослужащих (28 050), захваченных немцами во время наступления в Арденнах в декабре 1944 г. – январе 1945 г. оказалось только 5 перебежчиков. Поэтому практика организации хотя бы элементарной проверки бывших военнопленных с известными оговорками может быть оправдана, но бесчеловечные методы – никогда.

Небезынтересна и современная оценка, данная работе «смершевцев», представителями того ведомства, которое в настоящее время строит свою деятельность на основе традиций, заложенных «Смерш». Александр Безверхний (начальник Управления военной контрразведки ФСБ России) в интервью, данном им 18 апреля 2003 г. газете «Новости разведки и контрразведки» (Москва), отмечал: «Нередко в адрес органов «Смерш» раздается критика в связи с проводившейся ими фильтрационной работой. В 1941 г. И. В. Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (фильтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника. Аналогичная процедура осуществлялась и в отношении оперативного состава органов госбезопасности. Фильтрация военнослужащих предусматривала выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров. Постановлением СНК от 6 января 1945 г. при штабах фронтов начали функционировать отделы по делам репатриации, в работе которых принимали участие сотрудники органов «Смерш». Создавались сборно-пересыльные пункты для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной Армией. Фильтрационная работа требовала от сотрудников «Смерш» не только высочайшего профессионализма, но и большого гражданского мужества. Особенно сложно было ее вести среди бывших командиров и бойцов Красной Армии. Допросы «смершевцев» казались им оскорбительными и несправедливыми. В процессе фильтрационной работы органами «Смерш» было выявлено несколько тысяч агентов гитлеровских спецслужб, разоблачены десятки тысяч карателей и фашистских пособников. Но главным итогом явилось то, что с миллиона советских людей было снято клеймо «врага народа». Однако на этом участке не удалось избежать и трагических ошибок: ведь перед военными контрразведчиками в последние месяцы 1945 г. проходили миллионы советских военнослужащих и граждан, угнанных на принудительные работы в Германию»[73].

Значительная часть исследователей придерживается точки зрения, что организация подобной пристрастной проверки являлась нарушением прав человека, глумление над личностью и унижением её достоинства. Они констатируют: несмотря на, казалось бы, видимую необходимость такой проверки, надо признать, что во многих она случаях осуществлялась противозаконными методами, была связана с нарушением элементарных прав человека, велась с нарушением презумпции невиновности привлекавшихся к проверке. Показательным в этом отношении является судьба Дмитрия Савельевича Блохина, одного из основателей партизанского отряда «Красный Сталинград», базировавшегося в центральных Аджимушкайских каменоломнях, и действовавшего с 20 августа по 11 ноября 1943 г.

[73] Новости разведки и контрразведки. 2003. 18 апреля.

Отряд «Красный Сталинград», включавший 52 человека, был сформирован из патриотов г. Керчи и бежавших из плена солдат и офицеров Красной Армии. 12 ноября 1943 г., уже после освобождения Керчи от фашистов, отряд был переправлен на Кубань, где в городе Темрюк все члены отряда прошли проверку. После спецпроверки бывших партизан направили в Краснодар, там им выдали обмундирование и оружие. Всех, у кого не было документов, попросили заполнить специальные анкеты, которые могли подтвердиться по месту жительства, и на основании которых должны были выдать документы тем, кто не имел их. Партизаны отряда «Красный партизан» прошли ещё одну проверку, после которой были направлены в г. Кизил Молотовской области, где, как оказалось, располагался один из фильтрационных лагерей НКВД[74].

О том, что происходило в дальнейшем Д. С. Блохин рассказал в своих воспоминаниях: «В лагере проверяемые работали в шахте, на лесоповале, я работал на сенокосе от конного двора. В один из воскресных дней ко мне подошли двое военных и сказали, что меня вызывают в военкомат, куда меня повезли под конвоем. Но привезли к следователю, который зачитал мне полученную из Керчи телефонограмму, в которой говорилось: «Блохина Д. С. арестовать и этапировать в Керчь, чтобы не скрылся от суда и следствия». Я принял это известие спокойно. Меня в Керчи знали как партизана. Со мной повезли ещё 12 человек, проходивших по одному делу. А дальше начались страшные дни и ночи нескончаемых допросов и истязаний. Нас содержали в тюрьмах на ул. Кирова, а допрашивали в здании на углу ул. Советской / ул. Самойленко. Вел следствие старший лейтенант по фамилии Сливин: «Расскажи, как ты был завербован гестапо, когда жил под оккупацией?». «Я был партизаном, а не немецким прихвостнем», – отвечал я. «Немецким ангелом ты был, а не партизаном», – услышал я в ответ. – …На допросах при ударе в солнечное сплетение я терял сознание. Уже в лагере при осмотре врач спросил: «Что у тебя за синяки на теле?». Я сказал, что так ведут следствие. Видно, он задал этот вопрос руководству, потому что я получил 3-е суток карцера: меня без пищи и одежды держали на цементном полу. На третий день меня привели к следователям. На этот раз на столе стоял чай и булочка. Молодой парень, который и раньше был на допросах, всё говорил, подпиши протокол и твои мучения кончатся, уже давно всё известно, что все ни причём, но раз уж ты сюда попал, то надо подписать. Я не подписывал. Так продолжалось месяц»[75].

Д. С. Блохина и его товарищей обвинили в создании лжепартизанского отряда, якобы для того, чтобы остаться на оккупированной территории и служить немцам. Таким образом были осуждены 20 человек из партизанского отряда «Красный Сталинград», в число которых входили и бывшие военнопленные. Их приговорили к 20 годам каторжных работ. Из Симферополя (в марте или в апреле 1945 г.) осуждённых этапом отправили в Тайшет под Иркутск. Д. С. Блохина попал в режимный лагерь № 57, где находился до августа 1945 г., а затем был переведён в «Тайшетлаг» (лагерь в Тайшете), из которого его переправили в лагерь «Джезказган» (Акмолинск) для работы на руднике и в карьерах. В общей сложности Дмитрий Савельевич Блохин находился в заключении 11 лет, 3 месяца и 9 дней[76]. Итак, в научной литературе, с одной стороны, признаётся необходимость и «законность» проведения подобного рода фильтрации, с другой отмечаются «трагические ошибки» спецорганов, совершённые во время массовой фильтрации, без особого объяснения, в чём они заключались.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что в годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе продолжал действовать жесткий сталинский механизм репрессий, направленный против граждан собственного государства. К существовавшим ранее местам содержания заключённых, в 1941 – 1945 гг. добавились новые типы лагерей: специальные и проверочно-фильтрационные лагеря, в которых проходили фильтрацию советские военнослужащие, оказавшиеся на оккупированной территории, в окружении, в немецком плену. Создавались и функционировали эти лагеря на основе накопленного опыта и традиций советской пенитенциарной системы, через которую прошли военнопленные Первой мировой и Гражданской войн, польские военнослужащие, захваченные в плен

[74] Блохин Дмитрий Савельевич / http://kerch.com.ua/articleview.aspx?id=942.
[75] Там же.
[76] См.: Там же.

в 1939 г., советские военнопленные – участники войны с Финляндией 1939 – 1940 гг.

Создание подобного рода лагерей санкционировалось лично Сталиным, подкреплялось решениями ГКО и НКВД, курировалось ответственными работниками высшего аппарата государственного и военного управления. В поле зрения высших органов власти постоянно находились вопросы функционирования этих лагерей, обеспечение их войсками, материально-техническими ресурсами, штатами и т. п. Таким образом, проверка советских военнопленных в годы войны была возведена в ранг государственной политики.

Строгая изоляция в лагерях военнослужащих от внешнего мира, родных и близких, надёжная военизированная охрана, скудный рацион питания, использование в массовом порядке подневольного труда во время проверки и его несправедливая оплата, многое другое из подобного ряда, свидетельствовали о том, что правовое положение проверявшихся военнопленных было приближено к положению заключённых. Тщательно скрывавшиеся ранее факты об этой правдивой и жестокой странице отечественной и военной истории, свидетельствуют, что в процессе фильтрации при проведений следственных мероприятий нарушались процессуальные нормы, к бывшим военнопленным применялись в массовом порядке незаконные средства и методы допросов, во время которых проявлялось огульное недоверие к вырвавшимся из немецкой неволи, унижалось их человеческое достоинство, применялось физическое воздействие, нарушалась их презумпция невиновности. В спецлагерях и ПФЛ явно и открыто нарушались права и свободы военнослужащих, в подавляющем своём большинстве не совершивших никаких преступлений перед государством, более того, ставших в силу некомпетентности и беспечности руководства страны, первыми жертвами её неподготовленности к отражению агрессора. В этом – одно из проявлений культа личности Сталина, трагизм истории советского народа.